

Levon Hakobian.

Music of the Soviet Era,

1917–1991

Second edition. Routledge Russian and East European Music and Culture. London: Routledge, 2017. — 560 p.

Книга Левона Акопяна *Music of the Soviet Era, 1917–1991* («Музыка советской эпохи») — второе, значительно переработанное и расширенное издание его книги *Music of the Soviet age, 1917–1987*, опубликованной в 1998 году в Стокгольме, на английском языке. Во втором издании значительно больше места и внимания уделено точно дозированному анализу избранных автором сочинений, включены нотные примеры (их около тридцати). Кроме того, в новой версии книги учтены разного рода изменения, произошедшие за два десятилетия, касается ли это биографий и новых сочинений ведущих композиторов или же постоянно расширяющейся библиографии.

Второе издание вышло в свет в год столетия двух российских революций, и в этом совпадении можно видеть некую символику. Разумеется, для истории сто лет — не столь уж большой срок, и тем сложнее осуществить проект, требующий отстраненного взгляда, умения взглянуть на ситуацию со стороны. Автор книги, взявший на себя эту задачу, хорошо известен профессиональной аудитории своей монографией о Шостаковиче и другими значимыми публикациями о советской эпохе, и его книга вполне естественно вызывает интерес.

«Музыка советской эпохи» Акопяна во многом уникальна. Прежде всего, перед нами книга российского ученого о музыке советского периода, изначально написанная на английском языке и предназначенная для читателя, у которого нет никакого личного опыта жизни в советском и/или постсоветском культурном пространстве. Такому читателю книга предоставляет редкую возможность охватить историческую панораму советской музыки с точки зрения исследователя, сформировавшегося именно на советском и постсоветском опыте, но при этом свободно ориентирующегося в существующей на Западе литературе.

Число работ западных исследователей, посвященных советской музыке, постоянно продолжает расти. Если выделить из общего потока только англоязычные публикации, затрагивающие интересующий нас период, то среди них окажутся как серьезные обобщающие работы о русской

музыке от Глинки до современности, так и содержательные монографии об отдельных композиторах и особенно значимых произведениях¹. Однако задача, которую поставил перед собой Акопян — охвата именно и только советского периода как исторически и художественно своеобразного феномена — в западном музыковедении еще не ставилась, и рецензируемая монография является первым опытом такого рода.

Среди многих оригинальных идей в книге российского ученого обозначим три наиболее принципиальные. Первая из них — выбор самого названия книги, «Музыка советской эпохи». С одной стороны, определение всей музыки, написанной в рассматриваемое время как «советской» уже в 1990-е стало предметом дискуссии и было признано неудовлетворительным. С другой стороны, каждый, кто жил в советское время, нес на себе его отпечаток, и музыка, написанная в ту эпоху, не является в этом плане исключением, — так или иначе она тоже стала зеркалом времени, пусть отражения и были сделаны под разными, порой совершенно неожиданными углами. Название «Музыка советской эпохи» создает необходимый баланс, поскольку четко очерчивает контур исторического периода и одновременно оставляет автору свободу в характеристике творческих направлений, существовавших в то время и не всегда точно соответствовавших советским канонам.

Вторая плодотворная идея Акопяна — его культурологическая концепция, позволяющая разъяснить существенное отличие советской музыки от музыки Запада, часто ускользающее от глаз стороннего наблюдателя. На Западе до сих пор бытует разделение советских людей искусства на конформистов и диссидентов, чьи позиции полярно противоположны и политически, и в профессиональных вопросах. В результате не только возникает неполная картина происходивших на территории бывшего СССР процессов, но и неизбежно выпадают из поля зрения весьма значительные творческие фигуры, которые невозможно причислить ни к тем, ни к другим.

В развернутом введении к книге автор монографии выдвигает собственную концепцию мировоззрения советского человека, ищущего альтернативу официальным ценностям своего времени. Распространенный у мыслящих людей той эпохи подход к миру Акопян определяет как своего рода «экзистенциализм» — правда, весьма далекий от философии Хайдеггера, Ясперса, Камю или Сартра. Автор книги определяет особый экзистенциализм советского образца как «сфокусированность на важнейших

¹ Выделяются крупные работы обобщающего характера: Taruskin, Richard. *Defining Russia Musically: Historical and Hermeneutical Essays*. Princeton: Princeton University Press, 1997; Maes, Francis. *A History of Russian Music: from Kamarinskaya to Babi Yar*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 2006; Frolova-Walker, Marina. *Russian Music and Nationalism: from Glinka to Stalin*. New Haven and London: Yale University Press, 2007.

вопросах экзистенциалистской философии: трагической раздвоенности души человека между добром и злом, невозможности достичь полного взаимопонимания с ближними, и поиске самоидентичности в чуждом и враждебном мире» (с. 3).

Казалось бы, в вышеописанном мировоззрении нет ничего явно анти-советского. Однако, по мнению Акопяна, советская идеология выдвинула свой вариант религиозной доктрины *privatio boni*: согласно ее советскому варианту, зло в принципе не может существовать в коммунистическом обществе. В такой идеологической ситуации, даже молчаливое игнорирование² этого якобы неоспоримого постулата, сосредоточенность именно на противоречиях — как мироздания, так и духовного мира человека — делало композитора, по мысли Акопяна, своего рода «экзистенциальным мыслителем»; конформизм же композитора в социальном поведении мог быть средством донести до слушателя личную этическую позицию. Если рассматривать исторические факты под таким углом зрения, панорама советской музыки обретает для зарубежного читателя большую глубину и многомерность.

Еще одна удача Акопяна — его элегантно «режиссура» в преподнесении материала. В исторический контекст советской эпохи включены многочисленные мини-эссе о композиторах и их сочинениях, каждый раз по-особому построенные и преподнесенные. Обилие лиц, появляющихся на страницах книги, создает выразительную и искусно организованную мозаику, вызывающую ассоциации со знаменитым полотном Филонова «Головы (симфония Шостаковича)» с его почти дышащим, бесконечной глубины фоном и выступающими на нем профилями лиц. Несмотря на масштабность фактического материала и множество композиторских имен, монография читается с увлечением, на одном дыхании.

Суммируя впечатление от книги, хочется назвать ее введением в экзистенциальную летопись эпохи, воплощенную в советской музыке. Книга Акопяна — прежде всего о времени, то жестоком, то, по определению Ахматовой, относительно вегетарианском, — времени, которое, тем не менее, всегда требовало немалого мужества, чтобы высказаться искренне и не изменить себе. Думая о тех, кто остался самим собой в порой невыносимых условиях (их трудно до конца понять людям свободного мира), невольно возвращаешься вновь и вновь к словам Довлатова в «Марше одиноких»: «Правильно написал Григорий Рыскин: „У нас была судьба. Не биография, а судьба. И мы не сдались...“ Конечно, Рыскин — не Блок. Так ведь и мы — не прекрасные дамы...»

Юлия Крейнина

² Как заметил однажды Сергей Довлатов: «Советская власть — обидчивая дама. Худо тому, кто ее оскорбляет. Но гораздо хуже тому, кто ее игнорирует...»